

ОЛЬГА ВЛАДИСЛАВОВНА БЕЛОВА –
МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА ЯСИНСКАЯ*

**Мемориальная эпиграфика польско-белорусского пограничья:
коллективная память и практики коммеморации¹**

BELOVA, O. V. – JASINSKAYA, M. V.: Memorial Epigraphic Inscriptions of the Polish-Belarusian Borderland: Collective Memory and Commemoration Practices. *Slavica Slovaca*, 55, 2020, No 3, pp. 346-358 (Bratislava).

The article is devoted to the ethnolinguistic analysis of memorial inscriptions on memorial and votive crosses, tombstones and monuments surveyed during field research in Podlasie province (Hajnówka and Bielsk regions) in 2017–2020 where the Belarusian population lives compactly.

Ethno-cultural borderland, language contacts, graphics, memorial epigraphy, gravestones, commemoration practices.

Мемориальная эпиграфика этнокультурного пограничья в последние годы стала предметом изучения историков, лингвистов и культурологов. Истории некрополей, типологии надгробий, языку и содержанию эпитафий, характерных для польско-восточнославянского пограничья, посвящены работы Яцека Кольбушевского, Феликса Чижевского, Юстины Страчук, Агнешки Дудек-Шумигай, Кристины Сырницкой, Игоря Борковского, Сергея Грунтова, Альбины Семенчук, Ирины Пивоварчик, Натальи Филиной и др.²

Статья посвящена этнолингвистическому анализу мемориальных надписей на памятных и обетных крестах, надгробиях и памятниках, обследованных в ходе экспедиций на территории Подляшского воеводства (Гайновский и Бельский поветы) в 2017–2020 гг. в местах компактного проживания восточнославянского (прежде всего белорусского) населения. Надписи, выполненные кириллицей, не только передают локальные диалектные особенности, отражающие специфику восточнославянской языковой культуры на польско-белорусском пограничье, но также служат конфессиональным маркером, важным для самоидентификации православного населения данного региона. Мемориальные надписи рассматриваются нами не только с точки

* Ольга Владиславовна Белова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН. 119991 Россия, Москва, Ленинский пр-кт, 32 А; Мария Владимировна Ясинская, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН. 119991 Россия, Москва, Ленинский пр-кт, 32 А.

¹ Работа М. В. Ясинской выполнена при поддержке гранта РФФИ (проект № 17-18-01373 «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования»).

² См., например: Czyżewski, F. – Dudek-Szumigaj, A. – Frolak, L. (eds.): *Nekropolie jako znak kultury pogranicza polsko-wschodniosłowiańskiego*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2011. 214 s.; Straczuk, J.: *Cmentarz i stół. Pogranicze prawosławno-katolickie w Polsce i na Białorusi*. Toruń: Wydawnictwo naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2013. 332 s.; Arkuszyń, H. – Czyżewski, F. – Dudek-Szumigaj, A. (eds.): *Cmentarze po obu stronach Bugu*. Włodawa; Lublin: Towarzystwo Popularyzacji Piękna Polesia, 2014. 342 s. Обзор основных публикаций по теме см.: Семенчук, А.: *Методология исследования некрополей в современной польской и белорусской историографии*. In: Пивоварчик, С. (ed.): *Кладбища трансграничных регионов. Сборник научных статей по некрополистике*. Минск: Медисонт, 2015, с. 58-77. Ценность для нашего исследования представляют также работы, посвященные «меморативной» эпиграфике других славянских регионов, отражающие архаику традиции, см.: Авдеев, А. Г.: *Валунные надгробия Верхневожля (конец XV – вторая треть XVIII в.)*. Вопросы генезиса, бытования и источниковедения Москва: Изд-во ПСТГУ, 2015. 400 с.; Панченко, В. Б.: *Деревянные поклонные кресты Поволжья*. Санкт-Петербург: Каламос, 2016. 64 с.

зрения языка (фонетика, грамматика, орфография), но и в связи с традиционной поминальной обрядностью (содержание и образность эпитафий), а также в контексте местной устной истории (например, памятники, связанные с «беженством» 1915–1922 гг.).

Мемориальная эпиграфика исследуемого региона, а также сопредельных территорий Люблинского и Малопольского воеводств Польши и Гродненской области Республики Беларусь отвечает основным структурным и формальным параметрам, выделенным и подробно описанным польскими и белорусскими исследователями (А. Дудек-Шумигай, Ю. Страчук, И. Пивоварчик, Н. Филина).³ Опираясь на разработанные ими схемы, попытаемся представить наш материал, зафиксированный в одном микрорегионе и указать на его локальные особенности. Выбранный для исследования Гайновский (и частично Бельский) повет важен для нас в этнолингвистическом отношении тем, что он относится к полосе переходных восточнославянских говоров на территории Подляшья и является ярким примером пограничья не только «внешнего», на котором встречаются западно- и восточнославянские традиции, но и пограничья «внутреннего» (когда уже внутри региональной традиции Подляшья сосуществуют элементы украинской и белорусской диалектной культуры).⁴

В настоящее время исследователям мемориальной эпиграфики доступны материалы из таких поликультурных и поликонфессиональных регионов, как Люблинское воеводство в восточной Польше (польско-украинское пограничье – данный регион считается территорией южного Подляшья);⁵ территории проживания лемков (русинов) на польско-словацко-украинском пограничье (интересный материал следует ожидать из таких регионов, как Прешовский край (район Снина) и Кошицкий край (районы Собранце, Михаловце, Требишов) в восточной Словакии);⁶ южная Словакия (территория компактного проживания градищанских хорватов, на которой соседствуют хорватская, немецкая, венгерская, словацкая языковые традиции);⁷ Польский Спиш, где присутствуют элементы польской, словацкой и венгерской орфографии; Клайпедский, или Мемельский край в Литве (часть Малой Литвы, ранее входившая в состав Восточной Пруссии), где представлено немецко-литовское двуязычие;⁸ область Карашево в Румынии (румынско-серб-

³ См.: Dudek-Szumigaj, A.: *Inskrypcje nagrobne pogranicza polsko-ukraińskiego. Studium geneologiczne*, Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2018. 338 s.; Straczuk, J.: *Cmentarz i stół. Pogranicze prawosławno-katolickie w Polsce i na Białorusi*. Toruń: Wydawnictwo naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2013, s. 63-162; Пивоварчик, И. – Филина, Н.: Эпиграфика надгробных памятников поликонфессионального региона. In: Пивоварчик, С. (ed.): *Кладбища Трансграничных регионов. Сборник научных статей по некрополистике* Минск: Медисонт, 2015, s. 91-108.

⁴ В этнолингвистической традиции северной части Подляшья (Подляшское воеводство) ярко проявляется сформулированное и описанное Ф. Чижевским понятие зональной границы (*granica strefowa*), см.: Czyżewski, F.: *Kilka uwag o problematyce centrum i peryferii pogranicza polsko-wschodniosłowiańskiego*. In: Czyżewski, F. – Olejnik, M. – Pelcowa, H. (eds.): *Centrum a peryferie w opisach językoznawczych*. Lublin: Polihymnia, 2016, s. 37-46. О воплощении польско-восточнославянского языкового пограничья в мемориальной эпиграфике см.: Dudek-Szumigaj, A.: *Pogranicze polsko-wschodniosłowiańskie w świetle badań nad inskrypcjami nagrobnymi*. In: Pańkow, E. – Popow, I. – Jarmusik, E. (eds.): *Droga ku wzajemności. Materiały XVIII Międzynarodowej konferencji naukowej* (Grodno, 15–16 listopada 2012 roku). Lida: Lidskaia drukarnia, 2014, s. 130-136.

⁵ Czyżewski, F.: *Antroponomia pogranicza polsko-wschodniosłowiańskiego w świetle inskrypcji nagrobnych. Część 1: Słownik nazwisk*. Lublin: Polihymnia, 2013. LXX+150 s.; Dudek-Szumigaj, A.: *Inskrypcje nagrobne pogranicza polsko-ukraińskiego. Studium geneologiczne*, c. d.

⁶ См. электронные ресурсы, на которых собран богатый материал с лемковских кладбищ: *Cmentarze Łemkowski powiatu Gorlickiego* (<http://www.lemkmentarze.pl/>); *Lemko Graves / Лемківські Гробы* (https://m.facebook.com/groups/513801072044536?group_view_referrer=profile_browser). За указание на эти источники авторы благодарят М. Ю. Дронова (Москва).

⁷ Domaracká, J.: *Pohrebna obradovost' v obciach s chorvátskym osídlením na Slovensku*. In: Botík, J. (ed.) a kol.: *Obyčajové tradície pri úmrtí a pochovávaní na Slovensku s osobitným zreteľom na etnickú a profesijnú mnohotváornosť*. Bratislava: LUČ, 2001, s. 185-195; Ващенко, Д. Ю.: *Надписи на могильных плитах в хорватских селах Словакии Яровце и Чуново: специфика смещения графических систем*. In: *Славянский мир в третьем тысячелетии*, 2019, t. 13, № 1–2, s. 159-173.

⁸ *Shliuzinskas, R.: Litauische Verse aus lutherischen Kirchenliedern auf Grabmälern im Memelland*. In: *Annaberger Annalen*, 2008, Bd 16, s. 92-123.

ско-хорватское двуязычие);⁹ сербский Банат.¹⁰ Все перечисленные традиции демонстрируют традиции смешения языковых кодов и графических систем, обусловленных длительным этноконфессиональным соседством. Наши исследования в северной части Подляшья ставят целью охарактеризовать локальную языковую и этнокультурную традицию на примере мемориальных текстов.

Полевые исследования проводились в населенных пунктах Дубичи Церковные (здесь же на кладбище находятся захоронения жителей деревень Рутка, Тофиловцы, Чехи, Грабовец, Исток, Мохнате), Щиты-Новодворы, Кривятичи, Курашево, Клейники, Новоберезово, Новокорнино, Старый Корнин, Тростянка, Чижи, Черемха.¹¹

Мы уже посвятили отдельную публикацию антропонимам и топонимам, зафиксированным на памятниках некрополей Гайновского повета и свидетельствующим о взаимодействии белорусской, украинской, русской (церковнославянской) и польской языковых традиций. Особенности графики (кириллица) и орфографии при передаче личных имен, фамилий и топонимов на надгробиях отражают не только этноконфессиональные и этноязыковые контакты, но и живое произношение, запечатленное в письменной форме.¹²

Продолжая наше исследование, мы посвящаем эту статью описанию типологии местных мемориальных объектов. Особое внимание будет уделено содержательной стороне эпитафий. В этих текстах запечатлены не только локальные языковые особенности,¹³ но и способы индивидуальной и коллективной коммеморации, с помощью которых укрепляется и передается память о прошлом.

Мемориальные объекты как свидетели локальной истории

К этой группе относятся обетные и памятные кресты, установленные около церквей или на перекрестках дорог или у придорожных часовен. Надписи указывают на то, что поставлены они по инициативе и силами сельского социума или группами односельчан, также часто сообщается дата, когда это произошло.

Обетные кресты

У придорожной часовни св. Илии на повороте к д. Новокорнино установлен крест 1907 г., надпись на котором свидетельствует, что поставлен он «**всеми** жителями села: «СЕЙ КРТЬ / СООРУЖЕН / Р.Б. / Д.Н. И ВСЕМИ / 1907».¹⁴ Возле церкви в д. Дубичи Церковные поставлен коллективный крест ради благополучия жителей деревни: «О ЗДРАВЬИ / И О СПАСЕНИИ / ДУШ / НАШИХ / 1966 г.».

Обращает на себя внимание традиция установки крестов **женщинами**. Такие придорожные кресты мы наблюдали в д. Чижи («СООРУЖЕ / НЬ / РАБЫНАМИ / БОЖИМИ / ВЕСИ

⁹ Sikimić, B.: Jezički pejzaž Karaševaka: nadgrobni spomenici. In: Folkloristika, 1/2, 2016, s. 43-63.

¹⁰ Сикимић, Б. – Номаћи, М.: Језички пејзаж меморијалног простора вишејезичних заједница: банатски бугари / паљани у Србији. In: Јужнословенски филолог, LXXII, св. 1-2, 2016, s. 1-31.

¹¹ В настоящий момент в нашем распоряжении имеется несколько сотен образцов мемориальной эпиграфики, зафиксированных на надгробных памятниках указанных некрополей. При подготовке публикации проанализировано около 100 надписей. Необходимо отметить, что мы находимся только в начале нашей изыскательской деятельности и сплошного описания кладбищ пока не проводилось.

¹² Белова, О. В. – Ясинская, М. В.: Антропонимика и топонимика в мемориальной эпиграфике Подляшья. In: Вопросы ономастики, 2020, № 4 (in print).

¹³ Ср.: Dudek-Szumigaj, A.: Uwagi o języku inskrypcji nagrobnych nekropoli prawosławnych pogranicza polsko-wschodniosłowiańskiego. In: Переход, О. Б. (ed.): Славянские языки: системно-описательный и социо-культурный аспекты исследования. Сборник научных трудов по материалам VII Международной научной конференции. Часть 1. Брест: БрГУ, 2016, s. 87-93.

¹⁴ Здесь и далее надписи передаются в соответствии с оригиналом, с соблюдением орфографических, графических и шрифтовых особенностей; разделение на строки показано знаком /.

ЧИЖЕВЪ») и в д. Дубичи Церковные («СООРУЖ. ЖЕНЩИН. Д. / ДУБИЧИ-ЦЕРКОВНЫ / 15 МАЯ 1938 г.»).

По свидетельствам информантов, в прошлом существовала традиция сооружать кресты на деньги, собранные **молодежью** во время рождественских колядных обходов – несколько таких крестов можно видеть внутри церковной ограды в д. Дубичи Церковные: «СЕЙ КРЕСТ / СО-ОРУЖЕН / О ЗДРАВЬЕ / МОЛОДЕЖОЙ / ДЕРЕВНИ / ЧЕХИ И ВСЕХ / ЖИВУЩИХ В НЕЙ / НОВОЙ ГОД / 1950. г.»¹⁵ «ПАМЪЯТЬ ОТ МОЛОДЕЖИ / В ДЕНЬ КРЕЩЕНИЯ ГОСПОДНЯ / 6 янв. 1962 г.»¹⁶ Установка крестов могла быть приурочена, помимо Нового года и Крещения, и к другим крупным праздникам, например к Рождеству («РАДУЕМСЯ И ВЕСЕЛИМСЯ / РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВИМ / 1961 г.»),¹⁷ к Пасхе («СЕЙ ДЕНЬ / ВОЗРАДУЕМСА И / ВОЗВЕСЕЛИМСА / ВОНЬ / МОЛОДЕЖ / Д. ГРАБОВЦА / ПАСХА / 20 IV 1959 г.»)¹⁸ или к Троице («О ЗДРАВЬИ / Р. Б. / МУЖЧИН / и / ЖЕНЩИН / дер. ЧЕХИ / 17 VI 1962 г.»).¹⁹ Недалеко от д. Ляды расположен целый комплекс обетных крестов; они установлены вблизи церкви в память мучеников Маккавейских (местные жители называют это место «наша Грабарка» по аналогии со святой горой Грабаркой недалеко от г. Семятичи, знаменитым православным культовым местом на Белосточчине). Эти кресты выполнены из дерева, многие плохо сохранились, но некоторые надписи, в том числе на крестах, установленных сравнительно недавно, можно прочитать.²⁰

Памятники «беженству» 1915–1922 гг.

«Беженство» – это вынужденное переселение местных православных вглубь России в годы Первой мировой войны. С этим событием связаны не только свидетельства местной устной истории, но и легенды об утраченных и обретенных православных святынях. Первый сюжет, связанный с «беженством», был записан в д. Щиты-Новодворы во время весенней экспедиции 2017 г. – это был рассказ священника местной церкви о том, как ему во сне было указано место престола «древнего храма», и нем был вновь поставлен памятный крест, перенесенный на новое место во время «беженства». История креста изложена на камне, на котором крест установлен; здесь помещены две идентичные надписи – на русском и польском языках, приводим русский вариант: «Сей Православный / Святый Крест до / беженства²¹ / стоял на месте

¹⁵ В канун 1957 г. был установлен жителями д. Море «молодежный» крест на перекрестке в д. Кривятичи: «О / ЗДРАВЬИ / ПАРНЕЙ / И ДЕВУШЕК / ДЕР. МОРА / ПРИНИМАВШИИР / УЧАСТИЕ / В ТОРЖЕСТВЕ / 30.XII.1956». Обращает на себя внимание написание деревни, передающее твердое [р]: Мора. В слове ПРИНИМАВШИИР вместо конечной кириллической буквы Х использована латинская буква R.

¹⁶ Дата указана по юлианскому календарю / «старому стилю» (по григорианскому календарю / «новому стилю» православное Крещение отмечается 19 января). Интересно, что в отличие от других «анонимных» обетных крестов, этот памятник несет на себе список из 23 фамилий – видимо представителей той самой «молодежи», принимавших участие в установке креста. Около церкви в д. Дубичи Церковные есть еще один крест, установленный молодежью д. Рутка также 6 января 1962 г.: «СЕЙ КР. СООР. / ДНЯ 6-1-1962 г. / МОЛОД. ДЕР. / РУТКА».

¹⁷ На памятнике перечислены фамилии и инициалы 37 жителей д. Тофиловцы.

¹⁸ Дата указана по юлианскому календарю / «старому стилю» (по григорианскому календарю / «новому стилю» православная Пасха в 1959 г. пришлось на 3 мая).

¹⁹ В 1962 г. православная Пасха по новому стилю пришлось на 29 апреля, а Троица на 17 июня.

²⁰ Например: «14.08.2009 Поломники с Бельска Подл.». Написание поломники отражает явление гиперкоррекции в ситуации, когда акающее произношение приспособливается к нормативной русской орфографии. Нами зафиксированы и другие примеры: «Владимірь Борисовичъ / ЛЫЗЛОВЪ / подполковникъ / пограничной стражи / скончался 8 августа / 1910 г. / Вѣчная память тебѣ / незабвенный и дорогой / мужъ и отецъ...» (кладбище д. Щиты-Новодворы); «КРЕ / СТУ / ТВОЕ / ЕМУ / ПОКЛО / НАЕМСА / ВЛОДЫКО...» (придорожный крест, сооруженный женщинами из с. Чижы).

²¹ Написание беженства передает «польское» произношение, ср. *bieżeństwa* в польском варианте надписи, а также форму бежэньцам на памятнике в Тростянке. Ср. орфографически верное «русское» написание беженства на памятнике в Старом Корнине.

престола / древней церкви. / Во время²² беженства / местного народа в Россию / после 1915 года был / снят, а на Его / место установлена была / статуя Римокатолического / Святого Иоана / Непомуцена / Приход Щиты 2015 г.». Итак, крест был восстановлен на прежнем месте в 2015 г., а статуя католического святого, наоборот, отправлена за церковную ограду.

Следующим памятником, связанным с «беженством», оказалась мемориальный комплекс, созданный в 2016 г. рядом с церковью Архангела Михаила в с. Старый Корнин, – его мы посетили в августе 2019 г. На камне установлен крест и табличка с надписью: «В память трагических событий 1915 года, / беженства православных крестьян в глубь России, / куда привела их Первая мировая война. / В то время наша церковь потеряла чудотворную / икону и колокола. / Старокорнино, 26 июля 2016 года».²³ На этом же камне прикреплен связка ключей с пояснительной надписью: «Ключи с 1915 года, / которыми закрыто наши церкви / во время беженства. / Они найдены на церковной территории, / в земле, 20 июня 2016 года. / В.И.В.»

В январе 2020 г. в д. Тростянка был зафиксирован еще один памятник «беженцам» времен Первой мировой войны, установленный в 2015 г. возле церкви Михаила Архангела. На камне надпись: «В памэть / трысьяням бежэняцям / 1915–1922 / потомкі / Трысьянка, 21.XI.2015 г.».²⁴

Надгробные памятники

В ходе полевых исследований нами было обследовано 11 кладбищ, привлекая наше внимание надгробия в основном относятся к первой половине – третьей четверти XX в. (в настоящее время все чаще используются гранитные плиты, а надписи делаются по-польски). Старые надгробия представляют собой каменные памятники, увенчанные крестом, имеются также деревянные кресты, но надписи на них сохранились крайне плохо и практически не читаются. На крестах и памятниках кириллическими буквами выбиты эпитафии.

Обстоятельства смерти как сюжетобразующий мотив эпитафий

Людам, естественно завершившим свой земной путь, в прощальной эпитафии обычно достаточно упоминания имени и фамилии, даты смерти, числа прожитых лет и слов любви и памяти от членов семьи (эти данные являются обязательными и содержатся практически на всех надгробиях). Совсем другая картина возникает в эпитафических текстах, когда человек не изжил свой век, трагически погиб или скоропостижно скончался – в этом случае указание на обстоятельства смерти становятся основной темой эпитафии,²⁵ а сама эпитафия превращается в лаконичную, но красноречивую историю.

Не изжившие свой век младенцы

Особенностями надгробных надписей на детских могилах может быть отсутствие, казалось бы, обязательного элемента эпитафии – даты рождения и смерти. Таково надгробие на

²² Характерный для местной кириллической орфографии прием: мягкость предшествующего согласного передается сочетанием «ь+гласная» (ср. рус. время), таким образом з здесь не имеет функции разделительного (то есть для передачи йотированного гласного, ср. рус. семья).

²³ Легенда о чудотворной иконе Старокорнинской Божией Матери, избавившей невинно осужденного от оков, бытует в селе и сегодня, а сами кандалы представлены на другом мемориальном камне вместе с костылями исцеленных благодаря молитвам перед иконой. В рассказе об этой чудотворной иконе, записанном А. В. Гурой в Старом Корнине в 1993 г., отмечается, что «jak była pierwsza [światowa] wojna, zabrali ikonę Matki Boskiej do Rosji» (полевой дневник, запись от 22 сентября 1993 г.). Авторы благодарят А. В. Гтуру (Москва) за возможность использовать этот материал.

²⁴ Использованы буква і для [и] и буква ы для [ы], как в белорусском языке.

²⁵ См. об этом подробнее: Dudek-Szumigaj, A.: Inskrypcje nagrobne pogranicza polsko-ukraińskiego. Studium genologiczne, c. d., s. 109-116; Dudek-Szumigaj, A.: Aksjologiczna identyfikacja zmarłego w świetle inskrypcji nagrobnych (na materiale nekropolii prawosławnych pogranicza polsko-ukraińskiego). In: Annales UMCS, sectio FF, Philologiae, 2016, t. XXXIV, s. 207-210.

могиле троих детей из одной семьи на кладбище д. Дубичи Церковные: «З. П. / БЕРЕЗНЯК / младенцы / МАРИЯ / ИОСИФ / МАРИЯ / МИР ПРАХУ ВАШЕМУ». На краткость жизни указывают не даты, а статус погребенных – «младенцы». На одном семейном надгробии на кладбище в д. Щиты-Новодворы указаны: взрослый Павел Максимэк (1884–1944), девочка Лидия (1931–1934) и Нина, о которой известно лишь то, что «жила 3 мес.», при этом не указан даже год, когда она родилась или умерла.²⁶

подавляющее большинство надгробных надписей содержат сведения о возрасте, в каком погребенный покинул этот мир, и дату смерти; гораздо реже на памятнике указаны две даты – рождения и смерти. В случае с детскими эпитафиями две даты имеют особое значение: они призваны указать на краткость жизни и безвременность кончины: «З П / АННА / ДАНИЛЮК / РО 26 III 1988 / УМ 26 III 1988 / МР ПР ЕЕ»²⁷ (д. Дубичи Церковные) – прожила один день; «Ś.P. Edwiga Leszyńska ur. 15 - X - 1988 (?) żyła 5 dni» (с. Черемха) – прожила 5 дней; «В П / ЗДЕСЬ ПОКОЙ- / ТЦА МЛАДЕНЕЦ / МИРОСЛАВ / ГЕРАСИМИЮК / РОД 28 V 1962 г. / ПОМ 30 V 1962 г. / ВЕЧНАЯ / ПАМЯТЬ ЕМУ / СЕЙ КРЕСТ / 1968 г. / СООРУЖОН / РОДИТЕЛЯМИ / МИКОЛАИ И НИНА / ГИРАСИМИЮК ДИР ЧЕХИ / ОРЛЬАНСКИ»²⁸ (д. Дубичи Церковные) – прожил два дня.

Необычной особенностью младенческих и детских надгробий является указание не только имени, но и отчества (*Мирослав Георгиевич, Михаил Симеонович*), что характерно даже не для всех взрослых погребенных: «З. П. / МЛАДЕНЕЦ / МИРОСЛАВ / ГЕОРГИЕВИЧ / ЯКОНЮК / р. 22-VI 1962 г. / ум. 30 III 1963 г. / СЫНОК НАШ ДОРОГОЙ / ЛЕЖЫШ ТЫ В ЗЕМЛИ СЫРОЙ / МЫ ОЧЕНЬ ПЕЧАЛИМ СЕБЬЯ / ЖЕ БОЛЬШЕ НЕ УВИДИМ ТЕБЬЯ / ГЕОРГИЙ И НИНА / с дер. ЧЕХИ 20 IV 1963 г.» (д. Дубичи Церковные);²⁹ «З. П. / МИХАИЛ / СИМЕОНОВИЧ / ТАРАСЮК / род. 13 XI 1949 г. / ум. 16 VIII 1950 г.» (д. Дубичи Церковные).

Экспрессивная функция эпитафий ярко проявляется в «говорящих» эпитафиях (написанных как бы от лица покойного),³⁰ эмоциональный накал особенно силен, когда к родственникам обращается почивший младенец. Образец такой инскрипции встретился на кладбище с. Чижы на могиле трагически погибшего трехлетнего мальчика: «З.П. / ПЁТР / ВИШНЕВСКИ / род. 2.01.1976 г. / погиб траг. см. / 14.04.1979 г. / Ах семья моя родная, / не купай меня в слезах / Я на веки уже дома, / а вы все ещё в гостях».³¹

²⁶ Похожая надпись зафиксирована в южном Подляшье на могиле 10-месячного младенца: «Ś. P. / EUGENIA / ULANIUK / ŻYŁ 10 MIES. / ŚPIJ ANIOŁKU / DROGI» (Голешов, Влодавский повет Люблинского воеводства), см.: Dudek-Szumigaj, A.: Aksjologiczna identyfikacja zmarłego w świetle inskrypcji nagrobnych (na materiale nekropolii prawosławnych pogranicza polsko-ukraińskiego), c. d., s. 211.

²⁷ МР ПР ЕЕ – аббревиатура: «Мир праху ее».

²⁸ Среди орфографических особенностей, отражающих произношение, отметим разное написание фамилии младенца и родителей (Герасимиюк – Гирасимиюк), передачу мягкости предшествующего согласного сочетанием букв и+ю, ь+а (Герасимиюк, родителями, Орльански), возвратную лагальную форму (покойца).

²⁹ Орфография передает твердость [ж] – лежыш, мягкость предшествующего согласного обозначена сочетанием букв ь+гласная (тебья, себья). Возможно, писавший не различает кириллические буквы ь и ъ. Обращает на себя внимание употребление союза «же» в значении «что» для присоединения придаточного предложения (ср. союз że в том же значении в польском языке).

³⁰ Подробнее см.: Dudek-Szumigaj, A.: Funkcja ekspresywna inskrypcji nagrobnych (na przykładzie nekropolii prawosławnych pogranicza polsko-ukraińskiego). In: Arkuszyn, H. – Czyżewski, F. – Dudek-Szumigaj, A. (eds.): Smentarze po obu stronach Bugu. Włodawa; Lublin: Towarzystwo Popularyzacji Piękna Polesia, 2014, s. 177-190; Пивоварчик, И. – Филина, Н.: Эпиграфика надгробных памятников поликонфессионального региона, c. d., s. 100.

³¹ К особенностям эпитафии можно отнести кириллическую транслитерацию польской фамилии – Вишнеwski; мягкость предшествующего согласного передается сочетанием ь+гласная (в гостях); ь не используется в разделительной функции – семья; написание в слезах может передавать особенности живой речи. Содержание перекликается с широко известным запретом на чрезмерное оплакивание детей, мотивированным тем, что на том свете младенцы будут «купаться в слезах», носить на себе материнские слезы, пребывать в сырости.

Детские могилы украшаются табличками в виде сердца, фигурками ангелочков, лампадка-ми с изображением маленьких ангелов.

«Не своя смерть»: гибель на войне или при трагических обстоятельствах

Обязательным элементом текста эпитафии становится указание на гибель во время военных действий или иные трагические обстоятельства. Из некоторых эпитафий становится ясно, что поминаются не только те, кто лежит под памятником, но и те, кто погибли вдали от родины.

На кладбище д. Дубичи Церковные встретилось надгробие жителей д. Чехи – отца и сына Нестеруков, – на котором написано, что Нестерук-младший (год его рождения не указан, дается только возраст – 35 лет) погиб **во время Первой мировой войны**: «З. П. / ВАРФОЛОМЕЙ / НЕСТЕРУК / ж. 68 л. ум. 26 III 1932 г. / И СЫН ЕГО / СТЕФАН ж. 35 л. / ПОГИБ НА ВОЙНЕ / в 1917 г. / МИР ПРАХУ ИХ / ПАМЯТЬ ОТ СЫНА / ИВАНА д. ЧЕХИ / в 1970 г.».³²

Гораздо больше встречается памятников, посвященных погибшим **в годы Второй мировой войны**. На кладбище в Дубичах Церковных есть две могилы, в которых погребены 30-летний Иван Григоруk и 25-летний сын диакона Владимир Старосельник, погибшие в один день – 27 июня 1941 г. Сказано о каждом, что он «убит немецкими оккупантами»:³³ «З. П. / ИВАН / ГРИГОРУК / жил 30 лет / убит нем. окуп. / 27 VI 1941 г. / И ДОЧКА / АНАСТАСИЯ / ж. 4 г. ум. в 1941 г. / МИР ПРАХУ ИХ / ПАМ. ОТ ЖЕНЫ МАРИНЫ / И МАТЕРИ ПАРАСКЕВИ / д. ДУБИЧИ 1969 г. / жена / МАРИНА / ж. 83 г. ум. 26 X 1991 г.»; «ВЛАДИМИР / РОМАНОВИЧ / СТАРОСЕЛЬНИК / УБ. НЕМЕЦКИМИ / ОКУПАНТАМИ / 27. VI. 1941 г. / НА 25 г. ЖИЗ. / ПОМЯНИ ЕГО ГОСПОДИ / ВО ЦАРСТВИИ ТВОЕМ / ДОРОГ СЫНУ / ДИАКОН РОМАН / И / МАРИЯ / с. ДУБИЧИ 17 IX 1949 г.».

На кладбище с. Черемха есть памятник «убиенному Адаму», фамилия которого не указана:³⁴ «ЗА. УП. / РАБА БОЖ. / УБЫСНАГО / АДАМА / УБЫТ НЕМЦА / 26. Д. ЮЛЯ / 1944 Г. / ПРОЖ. 53 Г. / СЕЙ КР. СООР. / ДЕТЯМЫ И / ЖЕНОЮ... / ...ВИЧ».

На кладбище Дубичей Церковных находится могила жителей д. Грабовец братьев Касянюков – трагически погибшего в 1942 г. 15-летнего Трофима и 20-летнего Николая, погибшего в 1945 г. в Германии: «З. П. / **ТРОФИМ**³⁵ ж. 15 л. / ПОГИБ ТР. СМ. в 1942 г. / НИКОЛАЙ ж. 20 л. / ПОГИБ НА ВОЙНЕ в ГЕРМ. / 6 II 1945 г. / КАСЯНЮКИ / МИР ПРАХУ ИХ / ПАМЯТЬ ОТ СЕСТЕИ³⁶ / БРАТЬЕВ д. ГРАБОВЕЦ / в 1986 г.».

Есть памятники людям, погибшим в Люблине («УПОКОЙ Г. / ДУШУ РАБА ТВОЕГО / АЛЕКСЕЯ / ЛЕОНЮКА / ПОГ. ОТ НЕМЦОВ / В ЛЮБЛИНЕ в 1943 г. / ЖЫЛ 34 года / СТЕФАНА ж. 50 л. / АКУЛИНЫ ж. 66 л. / МИР ПРАХУ ИХ / ПАМЯТЬ ОТ ЖЕНЫ / АННЫ И СЫНА ГРИГОРИЯ / д. ГРАБОВЕЦ в 1974 г.» – Дубичи Церковные),³⁷ в Беловеже («ИУ-

³² Вполне вероятно, что в могиле захоронен только Нестерук-отец, а для его сына Стефана памятник является кенотафом. Эпитафия, посвященная погибшим годы Первой мировой войны вдали от дома отцу и сыну Ключко, зафиксирована на кладбище с. Менджилес повета Бяла Подляска Люблинского воеводства: «ДЛЯ ПАМЯТИ / ЮРКА / КЛОЧКА / УМ. в РОССИИ 1918 / И ЕВО СЫНА ЛЕОНТИЯ / УМ. НА ВОЙНЕ ПОД КИЕВОМ 1917...» (Czyżewski, F.: *Antroponimia organicza polsko-wschodniosłowiańskiego w świetle inskrypcji nagrobnych*, с. d., 47).

³³ Собирателям устной истории предстоит выяснить, что произошло в этот день в Дубичах Церковных или их окрестностях.

³⁴ Можно предположить, что фамилия оканчивалась на -вич; именно эти буквы видны после указания на то, что памятник поставлен детьми и женой, имена которых и полная фамилия в надписи утрачены.

³⁵ В надписи имя ТРОФИМ выделено черным цветом; видимо, это его могила, а Николай похоронен в ином месте, и для него это кенотаф.

³⁶ Написание СЕСТЕИ обусловлено пропуском буквы, должно было бы быть СЕСТЕР И.

³⁷ Вместе с Алексеем Леонюком, для которого памятник может быть кенотафом, в эпитафии перечислены и другие усопшие родственники, даты смерти которых не указаны. Привлекает внимание форма от немцов (здесь возможно влияние польской орфографии, ср. пол. od Niemców при бел. ад немцаў и укр. від німців).

СТИН / КЛИМОВИЧ / РЫБАК / ЖИЛ 53 г. / УМ 2 VII 1947 / ЕГО СЫН / ИОАНН ЖИЛ / 27 л. ПОГИБ / В БЕЛОВЕЖИ³⁸ / 21 X 1942 / ДОРОГ МУЖУ И СЫНУ / МАРИЯ / Д. ТОФИЛОВЦЫ I I 1950 г» – Дубичи Церковные).

Из надписи на памятнике семьи Прокопюк (кладбище в д. Щиты-Новодворы) мы узнаем, что похоронены здесь трагически погибшая в 1944 г. 10-летняя Анастасия и ее мать Харитина (1914–1980); отец семейства Андрей (1906–1942) «погиб без известия», то есть место его захоронения неизвестно: «З. П. / АНАСТАСИЯ / ПРОКОПЮК / РОД 1934 г. / ПОГ. ТРАГ. СМЕРТЬЮ / 1944 г. / ПОСЛЕДНИЙ ПОДАРОК / ОТ МАТЕРИ И БРАТА / З. П. / ХАРИТИНА / ПРОКОПЮК / РОД. 1914 г. УМ. 1980 г. / АНДРЕЙ / ПРОКОПЮК / РОД. 1906 г. / ПОГИБ БЕЗ ИЗВЕСТИЯ / в 1942 г.». ³⁹

Примерами памятников с известиями о трагической гибели в послевоенный период могут служить несколько надгробий, зафиксированных на кладбище д. Дубичи Церковные. «Военный поручник» (на памятнике – фотография мужчины в военной форме) Василий Бондарук из д. Чехи, указано даже точное время смерти – «в 6 вечера часов»: «За П. / ВОСНН- / АГО / ПОРУЧНИКА / ВАСИЛИЯ / ВАСИЛИЕВИЧ / БОНДАРУКА / ПОГИБ ТРАГИ- / ЧНОЙ СМЕРЬЮ⁴⁰ / 25 Д ЮНЯ 1953 г / В 6 ВЕЧЕРА Ч. / РОДЖ. ЕГО 27 Д / ОКТЯБРЯ 1929 г / СЕЙ КР. СООР. / МАТЕРЬЮ / БОНДАРУК / Д. ЧОХИ». Трагически погибший 21-летний Михаил Иванюк из д. Грабовец: «МИХАИЛ / МИХАЙЛОВИЧ / ИВАНЮК / жил 21 г. / ум траг. 17 XI 1965 / М.П.Т. / СООРУДИЛ СЫНУ / МИХАИЛ / д. ГРАБОВЕЦ 1966 г.». Николай Березняк, 18-летний уроженец д. Дубичи Церковные, погибший в Варшаве во время обучения в железнодорожном техникуме: «З. П. / НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ / БЕРЕЗНЯК / рожден 1948 г. жил 18 лет / погиб 1966 г в варшаве / в школе п.к.п.⁴¹ / мир праху твоему».

«Смерть сделав своей рукой...»

В 2019 г. на кладбище с. Черемха было зафиксировано надгробие, установленное в память человека, лишившего себя жизни. Могила расположена вне кладбищенской ограды, но памятник увенчан православным (6-конечным) крестом, а в текст эпитафии включено изображение 4-конечного креста;⁴² на могиле стояли искусственные цветы и лампадки. Надпись гласит: «З У / Помяни / Господи / душу раба / Тимофея / Рынкевич / род. 1884 год / ум. 1-Х-1949 го. / СМЕРТЬ / ЗДЕЛАВ / СВОЕЙ РУКОЙ / СЕЙ КРЕСТ / СООРУЖИЛА / БЫЩУК АННА». ⁴³ Отметим, что случай, когда в эпитафии причиной смерти называется самоубийство, уникальный. В масштабном исследовании А. Дудек-Шумигай о надгробных надписях южного Подляшья, в главе, посвященной причинам смерти, не указано ни одного самоубийцы,⁴⁴ хотя

³⁸ Топоним в белорусском и польском языках относится к женскому роду (пол. *Białowieża* – w *Białowieży*; бел. Белаежа – у Белаежы). Написание Беловежи отражает местные особенности говора.

³⁹ Интересно, что сам памятник именуется в эпитафии «последним подарком». Ср. иную формулировку для без вести пропавшего на войне: «ПОМЯНИ ГОСПОДИ РАБА / ТВОЕГО БЕЗ ВЕСТИ СУЩАГО / АЛЕКСАНДРА ДЕМИДЮКА / ПОГИБШАГО НА ВОЙНЕ...» (с. Яблечна, повет Бяла Подляска Люблинского воеводства; Czyżewski, F.: *Antroponimia porganicza polsko-wschodniosłowiańskiego w świetle inskrypcji nagrobnych*, c. d., s. 27).

⁴⁰ Написание СМЕРЬЮ обусловлено пропуском буквы, должны было бы быть СМЕРТЬЮ.

⁴¹ П.К.П. – аббревиатура (Polskie Koleje Państwowe).

⁴² В. А. Лобач отмечает, что для белорусской традиционной культуры типичны похороны самоубийц вне кладбища, на могилах не ставили крест; после Второй мировой войны требование хоронить самоубийц за границами кладбища утрачивает свою категоричность, но хоронят их все равно на периферии кладбища, см.: Лобач, У.: *Міф, прастора, чалавек: Традыцыйны культурны ландшафт беларусаў у семіятычнай перспектыве*. Мінск: Тэхналогія, 2013, с. 406, 407.

⁴³ Написание слова смерть представляет собой транслитерацию польского *śmierć*.

⁴⁴ Dudek-Szumigaj, A.: *Inskrypcje nagrobne pogramicza polsko-ukraińskiego. Studium genologiczne*, c. d., s. 109-116. Опираясь на результаты своих многолетних исследований католических и православных некрополей Беларуси, этот факт подтверждает и С. В. Грунтов (Минск) – авторы благодарят коллегу за ценные консультации.

и на этой территории (с. Коденец, Парчевский повет Люблинского воеводства) был зафиксирован своеобразный эпиграфический раритет – на памятнике вместе с именем жертвы указано имя убийцы: «УПОКОЙ ГОСПОДИ / ДУШУ РАБИ ТВОЕИ / МАРИНИ / ГАПУН / ПРОЖИЛА 20 ЛІТ / ВБИТО / ГНАТОМ ЮЩУКОМ / 8 ВЕРЕСНЯ 1932 Р / МИР ПРАХУ ТВОЕМУ / ЛЮБА ДОЧКА / СЕСТРА И ВНУЧКА».⁴⁵

Что касается особенностей эпитафии, посвященной Тимофею Рынкевичу, то на возможность нетривиального прочтения формулы «помяни Господи» в контексте суицида внимание авторов обратил С. В. Грунтов (Минск). Он высказал предположение, что эту формулу можно трактовать как своего рода обход ограничений на поминание самоубийцы, налагаемых церковью; за душу самоубийцы молиться было не принято (кроме специального дня или дней), следовательно, и помещать на надгробие самоубийцы адресованную кому-либо из людей стандартную просьбу помолиться за него было неуместно; в данном случае помолиться просят Господа, а не прохожего или читающего эпитафию. Таким образом, душе человека, наложившего на себя руки, как бы обеспечивается поминовение свыше.

Коммеморативные практики – могилы-кенотафы

Выше мы уже указывали, что для некоторых упомянутых в эпитафиях людей могилы являются не местом захоронения, но символическим памятником (кенотафом). Возможно, поэтому они могут располагаться не только на сельских кладбищах, но большей частью на прицерковной земле, внутри церковной ограды, составляя своеобразные мемориальные комплексы – таким образом осуществляется поминовение тех, кто остался лежать в чужой земле, вдали от родных мест.⁴⁶

В надписи на могиле-кенотафе Павла Роли на кладбище в д. Дубичи Церковные указано, что он был «убит в польской армии» 16 апреля 1945 г. и похоронен в г. Кольфурте: «ПАВЕЛ / ЗИНОВИЕВ / РОЛЯ / род. 24 III 1909 / уб. в польск. арм. / 16 IV 1945 г. / и похоронен / в г. Кольфурт / МИР ПРАХУ ТВОЕМУ».⁴⁷

Возле церкви в д. Дубичи Церковные обращают на себя внимание два памятника, которые можно воспринять как своеобразный мемориал жертвам войны: это могила Филипа Корнилюка, погибшего в первые дни немецкой оккупации («З П / ФИЛИП / МАКСИМОВИИ / КОРНИЛЮК / ж. 42 г. убит 24VI1941г. / МИР ПРАХУ ТВОЕМУ / ПАМЯТЬ ОТ ДЕТЕИ / в 1978 г.») и захоронение советского военного врача, фамилия которого неизвестна: «З. П. / АНДРЕЙ / ВОИН и ВРАЧ / СОВ. АРМИИ / ПОГИБ ТР. СМЕРТИЮ / в ВОИНУ⁴⁸ в 1944 г. / МИР ПРАХУ ТВОЕМУ».

В д. Курашево возле церкви установлены три однотипных памятника, составивших небольшой воинский мемориал. Первый слагается из двух элементов – это памятный деревянный крест Стефану Онищуку (умер от ран и похоронен в г. Гросс Линденау) и поставленный позднее памятник ему же. Крест украшен венком из искусственных цветов и лент и фотографией.

⁴⁵ Dudek-Szumigaj, A.: Aksjologiczna identyfikacja zmarłego w świetle inskrypcji nagrobnych (na materiale nekropolii prawosławnych pogranicza polsko-ukraińskiego), c. d., s. 210.

⁴⁶ О современных коммеморативных практиках, связанных с кенотафами на сельских кладбищах в России см.: Королёва, С. Ю. – Колегова, О. А.: Мемориал-кенотаф и часовенный праздник: сельские коммеморативные ритуалы Дня Победы. In: Фольклор и антропология города, II (1–2), с. 256–288.

⁴⁷ Возможно, кенотафом является и могила Николая Придепы на кладбище с. Збереже Влодавского повета Люблинского воеводства: «НИКОЛАЙ / ПРИДЕПА / ПОГИБ ЗА / ПОЛЫЩУ...» (Czyżewski, F.: Antroponimia porganicza polsko-wschodniosłowiańskiego w świetle inskrypcji nagrobnych, c. d., s. 79).

⁴⁸ Ср. эпитафию на кладбище с. Коденец Парчевского повета Люблинского воеводства: «В СЛЕДСТВИЕ ПОЛЬСКО / НЕМЕЦКОЙ ВОИНЫ / ВЛАДИМИР / ГЕРАСИМЮК / 6 СЕНТЯБРЯ 1939 Г. <...> СЛАВА ЕГО ПАМЯТИ» (Czyżewski, F.: Antroponimia porganicza polsko-wschodniosłowiańskiego w świetle inskrypcji nagrobnych, c. d., s. 32).

Надпись на кресте не читается полностью, потому что нижняя часть креста ушла в землю: «О ВЕЧНОЙ / ПАМЯТИ / СТЕФАНА / АЛЕКСЕЕВА / ОНИЩУКА / УБИТОГО...». Рядом стоит памятник – каменный четырехконечный крест, украшенный распятием, венком, лентой, фотографией; на постаменте – табличка с надписью: «СТЕФАН / ОНИЩУК / ПОМЕР С БОЛЮ»⁴⁹ РАН 31-5-1945 / ПОХОРОНЕН НА БРАТСКОМ / КЛАДБИЩЕ г. ГРОСС ЛИНДЕНАУ».

Рядом с кенотафом Онищука установлен памятник Харитону Грушевскому (погиб в 1944 г. в концлагере), выполненный в той же стилистике; на табличке с эпитафией помещена фотография мужчины в польской военной форме: «З. П. / ХАРИТОН / ГРУШЕВСКИ / жил 33 года / погиб в лагери немецком / 6 - I - 1944 г. / МИР ПРАХУ ТВОЕМУ».

Третий кенотаф (выполнен в той же стилистике, что и первые два) символизирует могилу Павла Артышука, погибшего при обороне Ленинграда (точная дата не указана); на фотографии – юноша в советской военной форме: «ПАВЕЛ / ДНМНТРЕВНЧ АРТЫШУК / род. 1919 г. / ПОГНБ В ГОДЫ / ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ / 1941–45 г. / В БОЯХ ЗА ОБОРОНУ ЛЕННИГРАДА / ПАМЯТЬ ОТ БРАТА».⁵⁰

Только на одном из трех символических надгробий указан донатор (брат Павла Артышука).

Еще один воинский мемориал – могила неизвестного солдата – был зафиксирован возле церкви в д. Новоберезово (каменный крест на постаменте, украшенный восьмиконечным распятием и лентой; на табличке с надписью также изображен православный восьмиконечный крест): «З. П. / НЕИЗВЕСТНОМУ ВОЙНУ / ПОГИБШЕМУ В ЧАС / ВТОРОЙ МИРОВОЙ / ВОЙНЫ / МИР ПРАХУ ТВОЕМУ».⁵¹

Стилистическая однотипность символических могил, их декорирование указывает на то, что они являются объектами коллективного поминовения, в том числе во время церковных богослужений.

Заключение

Мы рассмотрели лишь некоторые типологические особенности мемориальных памятников сельских некрополей Гайновского и Бельского поветов Подляшского воеводства и проанализировали содержание эпитафий, рассказывающих об обстоятельствах установки памятников (обетные кресты) или об обстоятельствах смерти тех, кому установлены надгробия (могилы на кладбищах и памятники-кенотафы). Тексты эпитафий, выполненные кириллицей, передают диалектные языковые формы, отражающие прежде всего владение устной формой языка (отсюда «разнотчения» с формами литературного русского или белорусского языка): с помощью кириллической графики на письме передаются фонетические особенности местных говоров. Кроме того, кириллические эпитафии являются этноконфессиональным маркером – православное восточнославянское население Подляшья, проживающее жизнь в окружении государственного польского языка и латинского алфавита, в последнем пристанище обретает свои «кириллические» имена; на родном восточнославянском диалекте или на русском языке пишутся также слова прощания и поминовения.

⁴⁹ Выражение помер с болю является калькой с польского: zmarł z bólu.

⁵⁰ Графической особенностью эпитафии является смещение букв кириллического и латинского алфавита: вместо кириллической буквы И используется латинская N, вместо кириллической буквы У – латинская Y.

⁵¹ Выражение в час ... войны является полонизмом, ср.: w czasie wojny ('во время войны'). Написание войны (т. е. воину) может быть обусловлено польским аналогом, ср. wojownik, woj. Известна и другая aberrация – написание слова «война» как «воина», ср. эпитафию на кладбище с. Коденец Парчевского повета Люблинского воеводства: «В СЛЕДСТВИЕ ПОЛЬСКО / НЕМЕЦКОЙ ВОИНЫ / ВЛАДИМИР / ГЕРАСИМЮК / 6 СЕНТЯБРЯ 1939 Г. <...> СЛАВА ЕГО ПАМЯТИ» (Czyżewski, F.: Antroponimia porganicza polsko-wschodniosłowiańskiego w świetle inkskrypcji nagrobnych, c. d., s. 32).

Как показывает собранный материал, отдельного изучения требуют проблемы соотношения кириллицы и латиницы в подляшских эпитафиях, принципы использования разных графем для передачи фонетики устной речи, стилизация надписей под церковнославянский шрифт, система аббревиатур и сокращений, основанная как на лингвистических, так и экстралингвистических принципах. Этим аспектам мы намерены посвятить специальное исследование.

Memorial Epigraphic Inscriptions of the Polish-Belarusian Borderland: Collective Memory and Commemoration Practices

Olga V. Belova – Maria V. Jasinskaya

The article is devoted to the ethnolinguistic analysis of memorial inscriptions on memorial and votive crosses, tombstones and monuments surveyed during field research in Podlasie province (Hajnówka and Bielsk regions) in 2017–2020 where the Belarusian population lives compactly. Epigraphic inscriptions made in Cyrillic not only convey local dialect features that reflect the specifics of the East Slavic language culture on the Polish-Belarusian borderlands, but also serve as a confessional marker that is important for the self-identification of the Orthodox population of this region. We consider memorial inscriptions not only from the point of view of language (phonetics, grammar, spelling), but also in connection with traditional funeral rites (the content and imagery of epitaphs), as well as in the context of local oral history. We also analyze the ways of individual and collective commemoration, through which the memory of the past is strengthened and transmitted.

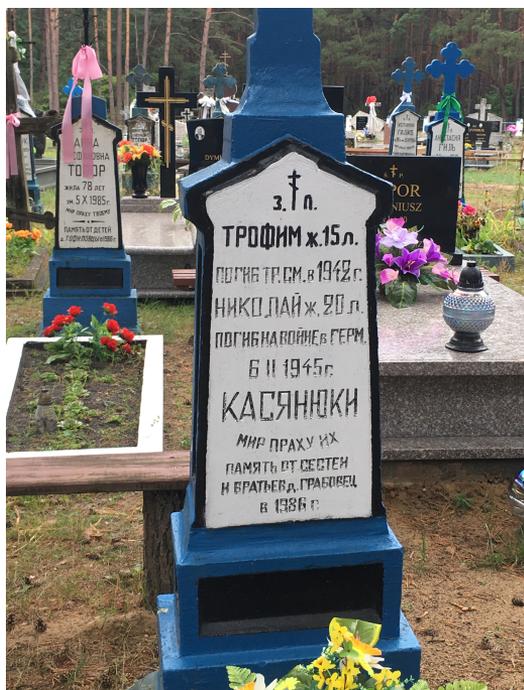
Ил. 1. Обетный крест, установленный в 1959 г. молодежью д. Грабовец возле церкви в д. Дубичи Церковные. Фото О. В. Беловой, 2017 г.

Ил. 2. Памятник «беженцам» в д. Тростянка, установленный в 2015 г. Фото А. Б. Мороза, 2020 г.

Ил. 3. Эпитафия на могиле младенца Мирослава Яконоюка из д. Чехи (кладбище в д. Дубичи Церковные). Фото А. Б. Мороза, 2017 г.

Ил. 4. Эпитафия на могиле братьев Касянюков из д. Грабовец, погибших в годы Второй мировой войны (кладбище в д. Дубичи Церковные). Фото А. Б. Мороза, 2017 г.

Ил. 5. Эпитафия на могиле-кенотафе возле церкви в д. Курашево. Фото А. Б. Мороза, 2019 г.

Ил. 6. Эпитафия на могиле самоубийцы, похороненного за пределами кладбища в с. Черемха. Фото А. Б. Мороза, 2019 г.

Ил. 7. Эпитафия врачу-воину на могиле возле церкви в д. Дубичи Церковные. Фото М. В. Ясинской, 2019 г.